

ского в новых исторических условиях. Исходя из собственного мироощущения связи «всего со всем», Бунин отчетливо чувствует приближение катастрофы и передает в рассказе, чем грозит явление, описанное Достоевским, в современную ему эпоху и последующие десятилетия.

Литература

Бунин И. А. Собрание сочинений : в 6 т. Произведения 1914-1931. / Редкол.: Ю.Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич. М.: Худож. лит., 1988. Т. 4. 703 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Ленинград : Наука, 1973. Т. 6. 424 с.

Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 86 с.

Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина: (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александрия, 1993. Т. 3. С. 172–184.

Месяц С. В. Иоганн Вольфганг Гете и его учение о цвете (часть первая). М.: Кругъ, 2012. 461 с.

Миронова Л. Н. Символика цвета [Электронный ресурс]. URL: http://mironovacolor.org/theory/humans_and_color/symbolism/ (дата обращения: 15.02.2018).

Пастуро М. Черный: история цвета. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 168 с.

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой. Изд. 2-е, доп. Екатеринбург : Изд-во Урал. федерал. ун-та, 2016. 206 с.

Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004. 270 с.

Станюта А. А. Достоевский в восприятии Бунина // Русская литература. 1992. № 3. С. 74-81.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство—СПБ, 2003. 616 с.

Касимова В. Е., Екатеринбург
(науч. рук. – Пращерук Н. В.)

Образ Ф. М. Достоевского романа Б. Акунина «Ф. М.»

Kasimova V. E.

Dostoevsky in the world of the novel B. Akunin «F. M.»

В статье исследуется образ Ф. М. Достоевского в романе Б. Акунина «Ф. М.». При анализе используются все составляющие романа (сюжет, герои, позиция автора и т.п.). В процессе исследования выявляются черты, характерные для акунинской интерпретации образа творца классического романа «Преступления и наказание».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Б. Акунин, современная литература, массовая литература, детектив.

We investigate the image of F. M. Dostoevsky in the novel B. Akunin "F. M.". The analysis uses all the components of the novel (story, characters, etc.). The study reveals the features characteristic of B. Akunin, allowing to conclude about what image of the great writer we see in the novel.

Keywords: F. M. Dostoevsky, B. Akunin, modern literature, popular literature, detective.

Про роман Б. Акунина «Ф.М.» написано довольно много. Исследователи с разных сторон подходят к изучению романа. Пишут о его стиле, о жанровом своеобразии, об интертекстуальных связях и т.п. Многие исследователи, говоря о романе, делают акцент на том, как сделан роман. Пишут о пародийности, «игре в классику», травестии. Мне бы хотелось посмотреть в романе Б. Акунина на образ Ф. М. Достоевского, который складывается у читателя в процессе чтения «Ф.М.».

Как уже было отмечено многими исследователями, Ф. М. Достоевский занимает все пласты романа Б. Акунина. Инициалы писателя значатся в названии и пронизывают всю систему романа, об этом подробно в одной из статей пишет Н. В. Пращерук. Персонажи Акунина перекликаются с персонажами Достоевского. Про сложную персонажную организацию довольно подробно пишет Т. О. Холодинская: «Осовременивая героев “Преступления и наказания”, Акунин создает целый ряд разнообразных раскольниковых, любой ценой стремящихся получить от жизни что-либо<...>» [Холодинская 2016: 56]. Биография писателя не раз упоминается в романе. Достоевский везде. О нём говорят, его творчество и личность изучают, что и не удивительно, ведь сюжетный центр романа – найденная черновая рукопись «Преступления и наказания». Т. О. Холодинская замечает: «Современный детектив Б. Акунина «Ф. М.» усвоил эстетичный опыт романа-детектива «Преступление и наказание» Достоевского с его установкой на достоверность, на объективное отображение первичной реальности.» [Холодинская 2016: 57]. С этим утверждением сложно полностью согласиться. Автор статьи пишет о «Преступлении и наказании» как о первом русском романе-детективе, так же, видимо, воспринимает его и Б. Акунин. Однако,

«И. Смирнов в свое время выделил особый жанр “литературы тайн” и противопоставил его детективу. <...> Многие классические произведения, в том числе, и “Преступление и наказание”, И. Смирнов относит к “литературе тайн”, в них тайны имеют онтологическую природу и по структуре своей это *антидетективы*» (курсив мой – В. К.) [Пращерук 2009: 182]. Бесспорно, в романе Достоевского именно онтологическая тайна, а детективная составляющая играет лишь отведенную ей сюжетообразующую роль. Т. А. Касаткина пишет: «Роман “Преступление и наказание” по праву считается шедевром даже среди пяти великих романов Ф. М. Достоевского. Он – как бы своеобразный эпицентр его творчества, в нём заложены зерна всех тех идей, что будут подробнее разрабатываться в других его произведениях» [Касаткина 2015: 187]. Б. Акунин словно отбрасывает «высокую» проблематику романа. Сам Акунин признается: «есть ещё желание хоть как-то поиграть в то, что я – тоже немножко Достоевский» [Акунин : 2006]. Акунин именно *играет* с великим классиком: «Текст романа подчеркнуто фантастогоричен, парадоксален, агрессивен, принципиально сориентирован на соединение несоединимого» [Пращерук 2009: 183]. В акунинской иронии порой проскальзывает что-то такое, что заставляет задуматься о «Преступлении и наказании» как о чем-то старом, требующем пересмотра взглядов. Например, реакция Николоса Фандорина на Сашиного «ангела»: «–Это меня Бог толкнул <...> и ангел сулил <...> – Э-э, пригляделся к ней Ника, да ты деточка, кажется, с придурью.» [Акунин 2006: 130]. То же можно заметить, когда автор пишет про Шанежкина и явление ему Богородицы, и про бандита, который перед большим крестом каждый вечер «истово молится». То, что для Достоевского сакрально, для Акунина превращается в трюки больного сына миллионера. Тот духовный мир, который выставлен в «Ф.М.» в ироническом свете, очень важен для Достоевского, достаточно вспомнить одну из ключевых сцен романа «Преступление и наказание», где герои читают Евангелие. Т. О. Холодинская пишет: «Роман Б. Акунина созвучен произведениям Достоевского и в нравственно-поучительном ключе» [Холодинская 2016: 58]. Но если для Достоевского двойственная природа человека объясняется с христианской точки зрения, то

для Акунина превращение доброго в злого и обратно – простая физиология. Тому пример болезнь Ф. Б. Морозова – «синдром Кусоямы», когда он возвращается в свое состояние, то становится очень деликатным и милым, но его «его» вызывает отвращение, а ведь натура человека целостна. По Акунину, не душа в человеке отвечает за добро и зло, а мозг. Разве эти идеи могут быть созвучны Достоевскому? Можно поставить вопрос, насколько Акунин осознает себя в процессе всеобщей деонтологизации тайн. Судя по его высказываниям, он как позитивист постмодернистского извода никакой метафизики не признает. Но вернемся к образу Достоевского. Акунин, как уже было сказано, ведет игру с читателем, придумывая несуществующую «Теорейку». Игра заключается в том, что, описывая биографию Порфирия Петровича, Акунин начинает его род с немца по фамилии «То ли фон Дорн, то ли фон Дорен.» [Акунин Т.1 2006: 58]. Такой ход, хоть и может зацепить, кажется довольно дешевым. Даже в черновик великого романа, Акунин вводит своего излюбленного героя, пусть намеком, но довольно очевидным.

Таким образом, если говорить про образ самого Достоевского в романе, то он раскрывается постепенно. С каждой новой главой появляется что-то новое. Но в итоге, перед нами писатель, страдавший от игромании, с садомазохистскими наклонностями (пусть рассказ про эту часть биографии Федора Михайловича и ведется из уст больного, но важно, что такой рассказ есть), человек не очень сильный, и, судя по черновику, готовый писать на потребу публике. Разве из «Теорейки» мог родиться великий роман? Если мы не знаем биографии Достоевского и читаем роман Акунина, что мы узнаем о Достоевском? Разве перед нами открывается тот глубокий духовный мир, то «боление» за человека, которое было присуще Достоевскому. Мы видим, как происходит «оплощение» великого классика. Вот что пишет по этому поводу Н. В. Пращерук: «Тенденции ”Ф.М.” есть отражение авторской иронии и рефлексии по поводу состояния современной культуры, штампующей ”оплощенные” идеологически-детективные – вариации великих произведений, в которых действуют ”плоские” двойники великих героев.» [Пращерук 2009: 185]. Из-за этого «оплоще-

ния», которое происходит на страницах акунинского «Ф.М.», роман Достоевского превращается не в начало великого пятикнижия, а в модный текст культуры: «Пили кофе, лялякали про литературу. Мы же интеллигентные девушки. Она Мураками обожает, Коэльо для неё простоват, но Харуки – супер. А я ей говорю: твой япошка – лажа, вот русская классика – это рулёз. От Достоевского, говорю, прямо залипаю вся. У меня дома ПэзСэС, пятьдесят томов, так я их с первого до последнего читаю, как заведённая, а как закончу, снова начинаю. Что ни говори, а наша русская литература самая великая на свете. Особенно Достоевский, говорю, меня жутко заводит. Он такой сексуальный. Тут тебе и садо-мазо, и фетишизм, и лесби, только умей между строчек читать. И пересказала ей Сашкиного папаши лекцию, близко к тексту. – Про лесби там ничего не было. А в полном собрании сочинений Федора Михайловича не пятьдесят томов, а тридцать, – поправил Фандорин. – Неважно. Важно, что Марфутка клюнула.» [Акунин Т.1 2006: 359-360]. За этим текстом охотятся, ради него (!) убивают. Как заметила исследовательница М. Черняк роман Б. Акунина – «Преступленьице без наказаньица» [Черняк: 2007 : 142]. Конечно, формально зло наказано, но в стиле боевика. Игры с классикой всегда интересны, но со знаком плюс ли они? У Акунина всё перевернуто. Всё классическое, к чему ни прикасается Акунин, теряется в маскультной мишуре. Хотя, некоторые исследователи, например, В. Савельева («Союз нерушимы вербального и визуального в романе "Ф.М. "») и Г. Тарасов приходят к заключению, что «перелицовка сюжета "Преступления и наказания" в романе Б. Акунина "Ф.М." заставляет читателя узнавать "достоевщину" в современном мире» [Тарасов 2016: 90]. Но с этим никак нельзя согласиться, потому что Достоевский теряется со своей христоцентричной системой. Остается только пусть и писатель Достоевский, но с какой-то сниженной планкой. Ни о каком духовном прозрении не может идти речь, потом что нет духовности, есть только фальшь.

Сравнение мира XIX и XXI века происходит явно не в пользу последнего. Всё в новом мире автоматизировано, это мир секретарш-трансвеститов, хищных литературных агентш-лесбиянок, наркоманов, миллионеров. Даже главный

герой Николос чувствует себя в Москве неуютно. Он как бы несет в себе связь с прошлым, хотя, на фоне всех выглядит не очень активным, устаревшим, даже хилым. Тому пример его поведение с женой, он готов просто отступить. Но должен ли современный мир отступать от классики?

Литература

Акунин Б. Больше всего люблю играть. Интервью Л. Парфенова // Русский newweek. 2006. № 19. (97). [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/articles/boris-akunin-bolshe-vsego-lyublyu-igrat> (дата обращения 25.02.2018)

Акунин Б. Ф. М. Т.1. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006 – 384 с.

Акунин Б. Ф. М. Т.2. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006 – 320 с.

Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 528 с.

Пращерук Н. В. «Детективизация» современной прозы: к вопросу об онтологии процесса // Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России. СПб : Петербургский институт печати, 2009. С. 181-186.

Тарасов Г. Маска и лицо // Весь мир театр? Весь мир – литература! Б. Акунин глазами заинтересованных читателей: Коллективная монография. М. : Буки—Веди, 2016 – 134 с.

Холодинская Т. О. Ремейк Б. Акунина "Ф.М.": Тематическое и стилевое своеобразие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. №4. (58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 53-57.

Черняк М. «Преступленьице без наказаньица. «Ф.М.». Акунин против Достоевского (к вопросу о новых литературных стратегиях)) // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. Пермский государственный педагогический университет, 2007. С. 142-151.

Мисочка А. А., Екатеринбург
(науч. рук. – Граматчикова Н. Б.)

Культура провинциального бала в периодической печати Екатеринбурга на рубеже XIX – XX веков

Misochka A. A.

Culture of Provincial Ball in Periodicals of Yekaterinburg at the Turn of XIX – XX Centuries

XIX-XX века – рубеж перемен, утверждения норм и правил поведения, свойственных индустриальному, буржуазному обществу. Эти изменения сочетались с традиционными ценностями. В результате этого синтеза формировался специфический образ жизни, который проявлялся в поведенческих практиках отдельных социальных групп. В провинциальных